

Змейка в клубок свернулась безвольной ниткой

Яшви Садхир

Яшви едва успела умыться и привести себя в порядок перед вечерней трапезой, чтобы к ней у Прии-джи не возникло вопросов по поводу заревавшего вида и припухших глаз, как старшая наложница сама подозвала ее к себе и попросила отнести принцу поднос с ужином. Он не реагировал на попытки других девушек обратить внимание на еду, и теперь пришла очередь попытаться. Яшви не чувствовала в себе решимости и сил сейчас смотреть на принца или находиться с ним рядом, но разве она могла отказать Прие-джи?

Девушка взяла приготовленный поднос, наполненный простой, но сытной и вкусной едой и чайником с чаем, и направилась к покоям принца. Она не знала, как сейчас нужно вести себя с Садхиром-джи, что говорить и что делать, если он снова откажется от еды и даже не повернется к ней. Она думала, что может понять, что он сейчас чувствует, понимала, что вряд ли он ощущает голод или хоть что-нибудь, кроме боли. Но еще она думала, что вряд ли понимает все в той мере, в которой это может ощущать сам принц. Она была простой необразованной, ограниченной девочкой из глухой деревни, самой большой проблемой которой было то, что в нее кидали камни и называли бокши. Разве жила она плохо? Разве ей довелось пережить то, что пережил сегодня ночью он?

Она постучала в дверь, но не услышала ответа. Постучала еще раз с тем же итогом, но, не зная, делает ли правильно, просто вошла в покои и поставила поднос на низкий столик, за которым сидела здесь в прошлый раз в тот день, когда только приехала во дворец.

- Садхир-джи, - позвала Яшви. В развороте плеч принца ей почудилось что-то надломанное, наигранное. - Я принесла ужин.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн понемногу принимал и отпускал мысли, которые норовили ворваться в сознание. Он знал, что сейчас его разум снова должен был уподобиться зеркалу, и пропускать все, что было больно вспоминать, не отгоняя и не отрицая. Кто-то заходил к нему, что-то спрашивали, он даже не оборачивался. Он решил, что имеет право сейчас вести себя именно так, если от него не хотели просто отстать, пока он не сможет с собой справиться. Ему было плохо и больно, его жизнь дважды резко изменилась за неделю. Когда сначала он сдал экзамен и был окрылен мыслями о помолвке с Майей, и когда сейчас все разбилось вдребезги. Родителей не было в клане, деду было не до разговоров, Сонгцэн считал, что должен справиться сам, но пока не знал, как именно.

Он услышал знакомый голос после того, как снова раздался стук в дверь. Наверное, это был единственный голос, узнав который, он был готов обернуться. Потому что, что бы ни происходило, за Яшви он отвечал.

- Спасибо, - ответил Сонгцэн и немного рассеянно поклонился.

Он замолчал. Он не знал, хотела ли Яшви сейчас чего-то от него, и хотел ли он сейчас видеть её рядом.

Яшви Садхир

Яшви не ожидала, что Садхир-джи обернется к ней, потому что до нее он ни к кому не поворачивался, даже не реагировал, и она была уже готова к такому же исходу. А сейчас она даже растерялась, потому что не знала, что ей делать дальше. Вроде бы как поднос принесла, поставила, принц даже отреагировал, а дальше-то что? Прияджи насчет этого ничего не сказала, но Яшви решила, что она может попробовать уговорить Садхира-джи съесть хоть что-то, даже просто кусочек этой лепешки будет намного лучше, чем ничего.

- Вам нужно съесть что-нибудь, Садхир-джи, - попросила она. Она заметила его уставший и печальный взгляд, и собственные слова показались ей даже кощунственными. Как можно проглотить хоть что-то, когда внутри столько боли, что, кажется, она каждый кусочек ревниво вытолкнет обратно? - Еда придаст сил.

Она не сделает легче и не уймет эту боль, но она не сделает хуже. Яшви принялась наливать чай в чашку так, словно все уже было решено, и нужно было только налить чай в эту самую тонкую фарфоровую чашку, которая сейчас напомнила ей Майю Тхакур. Такую же тоненькую, светленькую и очень красивую. И такую хрупкую. Рука ее дрогнула, и Яшви пролила немного чая на столик.

- Простите, - она смутилась и торопливо вытерла лужу тканевой салфеткой. Было бы лучше или правильнее уйти, оставив Садхира-джи наедине со своими мыслями, но Яшви осталась. Она хотела убедиться, что он не оставит ужин без внимания.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн смотрел за тем, как Яшви наливала чай. Он не был голоден, даже не думал о еде. И не мог бы вспомнить, пил ли сегодня хотя бы воду. Но его оцепенение не было похоже на слабость, Сонгцэн был готов хоть сейчас сорваться и куда-то ехать, если будет такая необходимость, зато с ужасом думал, что ночью нужно будет лечь спать.

- Сил у меня достаточно, - ответил Сонгцэн. - Знать бы, куда их деть.

Он заметил, что девушка пролила немного чая. Возможно, это случилось из-за того, что она волновалась из-за того, что должна была сейчас с ним говорить и подбирать какие-то слова. И пришла Яшви наверняка по указу Аши Прии, она не могла бы решиться по своей инициативе.

- Налей себе тоже чай, - сказал Сонгцэн.

Он отошел от окна и сел на подушки за столик. Он по-прежнему не хотел есть.

Яшви Садхир

Яшви опустила взгляд, ей показалось, что ответ Садхира-джи прозвучал как-то категорично, резко, отрывисто и даже немного зло. Она снова провела салфеткой по уже чистому столу, чтобы занять себя хоть чем-то.

- Здесь только одна чашка, господин, - ответила Яшви на предложение налить чай и себе тоже. Никто особо не надеялся, что ей удастся его разговорить, и чашка была только одна, для принца. Впрочем, Яшви вовремя сообразила, что в том, что он ей ответил - нет ее заслуги, она не сказала ничего, чего не могла бы сказать другая служанка. Быть может, принц решил, что проще будет согласиться, чтобы побыстрее остаться одному. Яшви была далека от хитрости и притворства и не знала, чем на самом деле руководствуется Садхир-джи.

Она не знала, о чем с ним говорить, да и не хотела сказать что-то не то. Яшви больше привыкла молчать и мало разговаривала, больше слушала или иногда задавала вопросы, когда ей было что-то непонятно. Принц ее не отослал сразу же, как только она оставила поднос, но девушка и не понимала, почему он этого не сделал. Яшви двумя руками подвинула чашку ближе к Садхиру-джи, а затем сложила ладони на коленях.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я уверен, что за дверью тебя дожидаются, чтобы узнать новости, - сказал Сонгцэн.
- Попроси их сходить за второй чашкой.

Девушка могла об этом не догадываться, но он давно жил во дворце клана, чтобы знать такие вещи наверняка. Здесь были уши и каждой стены и каждой портьеры, здесь всегда всем было интересно, что происходит. Вряд ли Яшви дожидалась Аша Прия, ей и так доложат, но в любом случае там как бы невзначай кто-то вытирал пыль с чистой старинной вазы или в очередной раз перекладывал подушки на низком диване в холле.

Сонгцэн понял, что присутствие Яшви рядом его сейчас не раздражало. Вряд ли во всем дворце был еще кто-то, кто мог бы этим похвастаться. Яшви была прямолинейна. Она не умела врать, не пыталась что-то нарочно разведать и либо молчала, либо говорила о своих мыслях и страхах прямо. В то же время Сонгцэн знал, что во дворце было немало тех, кто всерьез мог расценивать гибель Майи как шанс на внимание с его стороны. И их совершенно не хотелось видеть.

Яшви Садхир

Яшви удивленно покосилась на принца, но все же встала и подошла к двери. Она была уверена, что за ней никто не шел, когда она сюда шла, но, стоило ей только открыть дверь и выйти в коридор, как рядом тут же словно из ниоткуда появилась Ила.

- Ну что? - требовательно спросила она. В руках у нее была перьевая метелка для пыли, которую она держала так, будто не знала, как ей пользоваться и для чего она предназначена.
- Садхир-джи просит принести еще одну чашку, - честно ответила Яшви, и на лице

Илы отразилось неподдельное удивление.

- Зачем ему еще одна?

- Он хочет, чтобы я тоже налила себе чай, но там только одна чашка. Он просит вторую, - Ила с подозрением промолчала, но сделала кому-то знак, и Яшви увидела, что в дверном проеме мелькнуло чье-то платье.

Через минуту или около того Яшви получила чашку и вернулась обратно в покои принца. Она села за столик, поставила на него чашку и решила, что не будет говорить принцу о том, что он оказался прав, и там ее действительно дожидались. Она налила себе все еще горячего чая, заметив, что принц так и не притронулся к еде. Хотя у нее у самой в последнее время не было никакого аппетита.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви почти сразу вернулась с чашкой, из чего Сонгцэн понял, что его догадка оказалась верна. Всем было жутко интересно узнать, что же с ним сейчас происходило, и как он отреагировал на очередную попытку принести ему ужин. Это раздражало. Сонгцэн подумал, что ему было бы спокойнее побыть некоторое время в Линь Ян Шо, где на него не обрушится столько внимания. Но сейчас он не знал, когда будет уместным уехать из Покхары. Потому что тех, кто напал на клан Сурикатов, уничтожили, но заказчик мог быть в Непале.

- Я надеюсь, что мы скоро сможем уехать в Линь Ян Шо, - сказал Сонгцэн. - Там хотя бы никто не стоит под дверью и не греет уши.

Можно было сказать, что там и нет такого, чтобы все вокруг напоминало о Майе, но Сонгцэн не хотел это признавать. Потому что он не хотел забыть то, что случилось, ему просто нужно было время, чтобы все это принять и осознать. Чтобы рана со временем стала шрамом. Прежде он не понимал Юншэна, который сломя голову уехал в Пекин, чтобы быть рядом с Чун Янлин, теперь он считал, что был бы готов на что угодно, если была возможность вернуть Майю. Но не существовало способа воскрешать умерших.

Яшви Садхир

Яшви смотрела на свою чашку, практически не отрывая от нее взгляда, и чашка была всего лишь способом занять руки, чтобы они не теребили ткань юбки. Она уже немного привыкла к этому тонкому фарфору и не опасалась его сломать в руке, но ее собственные руки все равно казались слишком грубыми на фоне этого расписного узора. Яшви подумала, что руки Майи Тхакур наверняка бы могли сравниться своей белизной и гладкостью с этой изящной чашкой. Что толку об этом сейчас думать.

- Вы потом вернетесь в клан? - спросила Яшви. Она поднесла чашку к губам но едва смочила их. Быть может, своим примером она немного подтолкнет Садхира-джи к тому, чтобы поужинать.

Она хотела быстрее уехать из этого места. Она была благодарна принцу, Прии-джи и всем, кто был к ней добр здесь, но дворец и клан были слишком чужими для нее, непонятными. Она надеялась, что в монастыре все будет больше похожа на то, к чему она привыкла в деревне. И она перестанет думать о том, какой красивой была принцесса и какой бесконечно большой может быть разница между простой

деревенской девочкой из небогатой, даже нищей семьи и принцем королевской крови.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн сделал глоток чая и понял, что хотел пить. Оцепенение немного проходило, даже странно, что для этого было достаточно обменяться парой ничего не значащих фраз с человеком, который не пытался ничего у тебя выяснить хитростью. И не лез в душу.

- Да, конечно. Я все время буду сюда возвращаться, потому что в клане у меня будет много дел, - сказал Сонгцэн.

После экзамена он стал воином клана. Он мог выполнять задания, как наемник, или воевать в интересах клана. Он должен был время от времени появляться здесь, получать и выполнять задания и быть в курсе того, что происходило среди Королевских Кобр. Особенно сейчас он не мог просто скрыться подальше под Лхасой, потому что уничтожен союзный клан, и это могло означать начало настоящих войн в Непале. У Кобр было немало союзников, кто рассчитывал в случае необходимости на их военную помощь.

- У меня теперь здесь больше обязанностей, чем было до экзамена, - добавил он.

Яшви Садхир

Яшви сообщила, что она немного неправильно выразилась, и принц не так ее понял. Не так, какой смысл она вкладывала в свой вопрос.

- Нет, не то, - покачала она головой. Она по-прежнему смотрела в чашку. Ей не хотелось снова заметить в его взгляде эту боль и пустоту. - Вы сразу потом вернетесь в клан?

Садхир-джи говорил, что он должен отвезти ее туда, но он ничего не говорил про то, останется ли он сам там. Раньше Яшви хотела бы, чтобы рядом был кто-то знакомый, теперь ей просто хотелось уехать. Она даже поймала себя на мысли, что ей тяжело видеть принца. Тяжело смотреть на него и понимать, что...что понимать? Она запуталась. Все было просто, когда ей говорили, что нужно делать, теперь ей никто не говорил, что нужно делать, и все оказалось очень сложно. Теперь так, наверное, будет всегда.

- Приедете и сразу уедете? - наконец нашла она правильные слова. Почему-то это оказалось непросто. Яшви не знала, что такое деликатность, просто иногда чувствовала, что на какие-то темы не нужно говорить. Хотя чаще всего получалось, что лучше вообще ничего не говорить, а молчать, так правильнее. И безопаснее. Не боишься свернуть куда-нибудь не туда.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не сразу догадался, что не так понял изначальный вопрос Яшви. Он подумал, что его мысли были слишком далеки от этого разговора, поэтому он допустил эту оплошность.

- Я надеюсь, что смогу на какое-то время там остаться, - сказал Сонгцэн. - Но это зависит не от меня.

Он надеялся, что родители пойдут ему навстречу, если не будет острой необходимости в его присутствии в клане. В Линь Ян Шо никто не будет знать о том, что случилось в Непале. А те, что знал, будут молчать. Это не королевский гарем во дворце, который снова казался Сонгцэну серпентарием.

Он допил чай и налил себе еще. Есть по-прежнему не хотелось, как и заставлять себя поесть хоть что-то из вежливости. Он не был больным или умирающим. Как Сонгцэн уже не раз отметил за сегодня, он не получил ни одной царапины, несмотря на участие в бою.

- Я хочу уехать отсюда хотя бы на несколько дней, - признался Сонгцэн.

Яшви Садхир

И снова Яшви задумалась, что такое свобода и что считается быть свободным? Где заканчивается свобода одного человека, и начинается свобода другого? Когда продают без права выбора, или когда выбирают невесту или жениха, не спрашивая согласия? Когда приходится выбирать между костром, окном или смертью от меча? Это и есть свобода? Когда хочешь уехать, но не можешь, потому что что-то держит, что-то, что не зависит от тебя, но зависит от кого-то другого. Разве это считается свободой? Когда ты можешь идти, куда хочешь, но все, что ждет тебя в конце этого пути, какую бы дорогу ты не выбрала - это смерть от диких зверей, смерть от людей или вечный позор и изгнание, что неизбежно приведет к смерти? Как можно считаться свободным, когда твоя жизнь зависит от человека, который тебя купил и который распоряжается твоей судьбой?

Яшви ненадолго прикрыла глаза, и открыла их только после того, как Садхир-джи признался, что хочет уехать. Она его понимала, она тоже хотела уехать, но не имела права говорить об этом вслух. Потому что зависела от его решения, а его решение зависело от кого-то еще, кто может решать за него.

- Вам очень больно, Садхир-джи? - спросила она. Похожа ли эта боль на ту, которую испытывала она, когда мать вела ее на рынок, как козу, чтобы продать? Она не теряла близких, это ее выбросили, словно ненужную вещь, не приносящую пользы.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн чувствовал, что ему было немного легче, когда он говорил. И он доверял Яшви больше, чем кому-либо еще во дворце. Потому что у неё не было никакого интереса в том, чтобы подталкивать его к каким-то решениям, выведывать какую-то информацию или просто пытаться набиться к нему в друзья. Их отношения были понятны со дня их встречи: он хотел, чтобы она обрела свободу, и считал, что несет за это ответственность, а она считала, что все еще зависит от него. При этом Яшви не рвалась замуж, что в данной ситуации выгодно отличало её от многих женщин во дворце.

Её вопрос был очень личным, но от неё он прозвучал как поддержка. Как

разрешение на откровенность, а не попытка залезть в душу. Сонгцэн посмотрел на Яшви. К нему снова вернулось это ощущение пустоты, которое немного отошло на второй план во время разговора, но он знал, что так было лучше.

- Да, очень, - честно ответил Сонгцэн.

Глаза жгло. Он чувствовал, что готов расплакаться, но пару раз моргнул, чтобы отогнать это неприятное ощущение. Сонгцэн чувствовал, что сейчас можно не просить Яшви о том, чтобы этот разговор остался между ними. Он считал, что она это и так поймет.

Яшви Садхир

Яшви едва заметно кивнула. Больно, очень больно. У нее снова появилось тяжелое ощущение в груди и животе, какое бывает, когда не хватает дыхания, словно кто-то ударяет в живот, и весь воздух собирается густым комком в горле, и его не проглотить. Она все же сглотнула, постаралась протолкнуть этот горький комок внутрь. Она вспомнила тот раз, когда впервые, из-за занавески, увидела Майю Тхакур, и ее обожгло неприятным пониманием, насколько она некрасивая по сравнению с принцессой. Яшви не считала себя уродиной, раньше она не задумывалась о том, как она выглядит, потому что ей было некогда об этом думать, но рядом с Маей Тхакур любой бы задумался о своей внешности. Она понимала, почему принц был ею так очарован. Яшви она казалась недостижимым идеалом, воплощением богини Сарасвати на земле.

Она не смотрела на принца, но ей казалось, что она хорошо может его понять. Казалось, но Яшви не знала, было ли оно так на самом деле. Что боль от потери не меньшая той, которая бывает, когда тебя продают твои родители, не интересуясь более, что будет с тобой дальше.

Яшви ничего не ответила, она тихо запела единственную песню, которую знала. Сначала ее голос немного дрожал, но постепенно окреп. Это была монгольская песня, и Яшви не знала, как она называется или о чем в ней поется. Ее всегда напевала бабушка. Она сама позже всегда пела ее детям, когда они болели или пугались. Так ей начинало казаться, что бабушка рядом, напевает эту самую песню, никогда не рассказывая о чем она.

<https://www.youtube.com/watch?v=nMKwKxuFUac>

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви ничего не сказала в ответ. Она запела. Это было очень неожиданно, но Сонгцэн почувствовал, будто её голос выворачивал его душу наизнанку. Снова заставляя вспомнить и почувствовать ту боль, что он чувствовал сегодня. Когда только услышал о гонце и до последнего не верил, что Майи нет в живых. Когда видел окровавленные тела во дворце Сурикатов, когда ему сказали, что её нашли, и он все равно пытался найти причины не верить. Не верить до тех пор, пока сам не положил Майю на погребальный костер и не укрыл её белым саваном. И чувствовать, как пламя забирает то, что он считал своим будущим.

Он был одержим эти дни. До отъезда Майи они очень много времени были вместе,

он считал, что ему очень повезло, что именно она стала его невестой. Они могли сутками болтать обо всем на свете. Голос Яшви будто заставлял его вызывать в памяти все, что там хранилось о Майе, что он копил эти дни, что вспоминал вечерами. Это было очень больно, еще больнее, чем представлять свое сознание в виде зеркала.

И Сонгцэн почувствовал, как по его щеке скатилась слеза, затем еще одна. Эти слезы были горячими, горькими, невыносимыми. Было невыносимо, что Яшви сейчас их видела, но он не встал со своего места и не отвернулся.

Яшви Садхир

Она пела долго, и в тишине комнаты хорошо слышала эхо своего голоса. Она знала, что сейчас ее слушает не только Садхир-джи, но и те, кто был в холле за дверьми его покоев. Что они ловят каждое слово, может быть, даже понимают слова, которые она лишь знала, но не могла перевести, но пела она не для них. Она пела для принца, стараясь унять его боль. Она пела для себя, надеясь, что это уймет и ее боль, поселившуюся в ней, как она думала, с того момента, как она увидела принцессу в одном из залов дворца, но на деле она поселилась намного раньше, наверное, тогда, когда ей в лицо впервые произнесли “бокши”, а в спину полетел камень. Или еще раньше, когда горело на погребальном костре тело ее бабушки, а прах затем высыпали в реку. От нее осталась только немного уродливая кукла с нитяными волосами и вышитыми нитками лицом и эта песня, которую Яшви всегда считала колыбельной и пела, чтобы успокоить детей.

Она не поднимала головы, и последние слова колыбельной вскоре потерялись в тишине. Яшви замолчала. Глаза щипало, в горле снова был комок, но девушка не проронила ни слезинки.

- Бабушка пела ее мне, когда я была маленькой, - сказала она. Дед привез ее из Монголии, заплатив ее отцу, а потом умер, оставив ее с детьми на руках, Яшви его никогда не видела. А несколько лет назад умерла и бабушка.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не перебивал Яшви, он позволял себе прочувствовать все то, что поднималось в его душе в ответ на её голос. Он не понимал слов песни, но её звучание добиралось куда-то глубоко, где копилась камнем затаенная боль, заставляя эту боль выйти наружу мыслями, дрожью, слезами - всем тем, что принц королевских кобр очень не хотел бы показывать кому бы то ни было. Яшви казалась ему существом из иного мира, способным чувствовать слишком тонко и слишком точно. Он бы тоже назвал её бокши, но с уважением, а не с желанием бросить в неё камень. Она была воплощением какой-то особой магии, о которой он никогда не слышал.

Песня затихла. Сонгцэн внимательно посмотрел на Яшви. Он не стал вытирать слезы, ждал, когда они высохнут сами. Он долго молчал. Не знал, что сказать. Он был поражен тем, как Яшви сейчас заставила его все это прочувствовать и пропустить через себя. Но стало легче.

- Спасибо, - сказал Сонгцэн и кивнул.

Яшви Садхир

Яшви нашла в себе силы едва заметно улыбнуться, но продолжала смотреть вниз. Ей казалось, что если она посмотрит на принца, то сама не сдержит слез, а она не привыкла кому бы то ни было их показывать. Кроме старой уродливой куклы. Тугой комок в груди немного отпустил, сполз куда-то вниз в живот, но остался там. Наверное, он теперь всегда будет с ней.

- Мне нужно идти, Садхир-джи, - сказала Яшви. Она нашла взглядом свою чайную чашку, и чая в ней было только лишь наполовину. Они и так здесь задержалась, вряд ли это будет по нраву Прие-джи. Солнце давно село, но в покоях принца горели свечи, уже горевшие тут до того, как она пришла. - Уже поздно.

Она не могла оставаться в покоях принца дольше положенного приличиями, чтобы не вызывать больше слухов, чем и так расплзлось по дворцу. Наутро дворец и комнаты служанок и наложниц будет распирать от сплетен, а Яшви не любила быть в центре внимания. Это всегда плохо заканчивается.

- Пожалуйста, съешьте эту лепешку наан, - попросила она, слегка подвинув тарелку с лепешками ближе к принцу. - Прия-джи огорчится, если узнает, что вы ничего не ели вечером.

Прия-джи волновалась за принца. Яшви не знала, какие между ними отношения, а спрашивать у других девушек не желала, но Прия-джи беспокоилась, поэтому и посылала всех по очереди с ужином к Садхиру-джи. Она была очень добра.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн понимал, что Яшви рисковала нарваться на сплетни, если задержится у него слишком долго, хотя объективных причин для этих сплетен не было. И после того, как она уедет в Линь Ян Шо, местный серпентарий её не достанет.

- Я не голоден, но, если Прия-джи этого сильно хочет, - он грустно усмехнулся и взял с тарелки лепешку, которую съел, толком не почувствовав вкуса и запил чаем.

Сонгцэн не знал, чего он хотел сейчас. Ему было комфортно, когда Яшви была рядом. От неё не хотелось отвернуться или сбежать, хоть и казалось, что она видела его насквозь и могла заглянуть в самую душу, отчего было не по себе.

- Я не смею тебя задерживать, Яшви, - сказал Сонгцэн. - Спасибо, что зашла.

Вряд ли кто-то другой мог дать ему возможность вот так заново пережить эмоции этого дня, не изливая душу и не говоря обо всем вслух. Ему стало легче. Свежая рана, оставшаяся от потери, затянется не скоро, но он уже начал учиться тому, как с ней жить. И завтра стоило узнать, когда они смогут уехать в Линь Ян Шо. Невозможно убежать от жизни, которая продолжает идти вперед, какими бы страшными не были потери. Сонгцэну нужно было это понять и принять, через ту боль, что он сейчас чувствовал.
